

Образовательное путешествие

«А.П. Чехов и Москва.
Классика и современность»

(автор-составитель А.В. Кузьмин)

Пояснительная записка

Сроки: 20-21 июня 2012 г.

Ответственный: А.В. Кузьмин (тел. 8-911-223-04-86)

Цель поездки – расширить знания участников образовательного путешествия о творчестве А.П. Чехова и контексте, в котором оно развивалось и живет по сей день (история, искусство, театр).

В задачи входит знакомство с:

- чеховской Москвой (адреса и знакомые);
- мелиховским периодом жизни и творчества писателя;
- постановками чеховских пьес в ведущих театрах Москвы.

Место в образовательной программе

ОП «А.П. Чехов и Москва» продолжает серию литературных экскурсий, реализованных учащимися в рамках курса литературы и образовательных путешествий в 5-10 классах:

5 класс: музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

8 класс: музей-усадьба А.А. Блока «Шахматово», Всероссийский музей А.С. Пушкина на Мойке, 12.

9 класс: музей-усадьба Н.А. Некрасова «Карабиха», экскурсии «Литературная карта Царского Села», «Онегинский Петербург, или Один день с автором «Евгения Онегина»», «Петербург Гоголя», «Венеция: маршрут Бродского».

10 класс: музей-квартира Н.А. Некрасова в Петербурге, экскурсия «Петербург Достоевского».

Вместе с тем данная поездка дает возможность тематического освоения пространства Москвы и тем самым подготовиться к ОП «Москва», которое учащимся предстоит самостоятельно совершить в 11 классе.

Продукт учебной деятельности

По завершении поездки участники представляют электронный ресурс «А.П. Чехов и Москва».

Формат поездки

ОП «А.П. Чехов и Москва» ориентировано на учащихся 10 класса, их родителей и преподавателей. Участие в ОП носит факультативный характер.

Я брожу, как тень, ничего не делаю, печонка моя растет и растет... А время между тем идет и идет, я старею, слабею; гляди, не сегодня-завтра заболею инфлуэнцей и умру, и потащат меня на Ваганьково; будут вспоминать обо мне приятели дня три, а потом забудут, и имя мое перестанет быть даже звуком... Жизнь не повторяется, и уж коли ты не жил в те дни, которые были тебе даны однажды, то пиши пропало... Да, пропало, пропало!

А между тем ведь я мог бы учиться и знать всё; если бы я совлек с себя азията, то мог бы изучить и полюбить европейскую культуру, торговлю, ремесла, сельское хозяйство, литературу, музыку, живопись, архитектуру, гигиену; я мог бы строить в Москве отличные мостовые, торговать с Китаем и Персией, уменьшить процент смертности, бороться с невежеством, развратом и со всякою мерзостью, которая так мешает нам жить; я бы мог быть скромным, приветливым, веселым, радушным; я бы мог искренно радоваться всякому чужому успеху, так как всякий, даже маленький успех есть уже шаг к счастью и к правде.

Да, я мог бы! Мог бы! Но я гнилая тряпка, дрянь, кислятина, я московский Гамлет. Тащите меня на Ваганьково!

Я ворочаюсь под своим одеялом с боку на бок, не сплю и всё думаю, отчего мне так мучительно скучно, и до самого рассвета в ушах моих звучат слова:

— Возьмите вы кусок телефонной проволоки и повесьте вы на первом попавшемся телеграфном столбе! Больше вам ничего не остается делать.

Впервые — «Новое время», 1891, № 5667, 7 декабря.

Подпись: Кисляев.

Учебно-методическое обеспечение:

Тексты для чтения:

Ранние юмористические рассказы, «В Москве на Трубной площади» (1883), «Ванька» (1886), «Огни» (1888), «Припадок» (1888), «В Москве» (1891), «Три года» (1895), «Мужики» (1897) «Дядя Ваня» (1899), «Три сестры» (1900); письма Чехова.

Книги:

Балабанович Е.З. Дом А.П. Чехова в Москве. М., 1958.

Балабанович Е.З. Дом в Кудрине. М, 1961.

Виноградова К.М. Чехов в Мелихове. М., 1959.

Все книги доступны на сайте archekhov.ru.

Интернет-источники:

archekhov.ru – портал с большим количеством литературы по творчеству А.П. Чехова

<http://www.antonchekhov.ru> – сайт Гуманитарного фонда «Чеховский центр»

<http://chekhov.niv.ru> – большая коллекция чеховских произведений

Содержание поездки

До поездки:

- чтение чеховских рассказов и пьес;
- лекция ««Московский текст» в русской литературе и творчестве А.П. Чехова»
- занятия по литературе;
- просмотр одной-двух постановок по чеховским произведениям («Палата №6», «Вишневый сад» (Антреприза А. Миронова), «Дядя Ваня», «Чайка» (Александринский театр), «Дама с собачкой» (театр В.Ф. Комиссаржевской), «Дядя Ваня» (МДТ, Театр Европы) и др.).

Во время поездки:

Выезд из СПб поездом №61 20 июня 2012 г. в 01.40.

Мероприятия

20 июня (среда)

10.16 – Прибытие на Ленинградский вокзал.

11.00 – Заселение в хостел Bonotel (М. Афанасьевский пер., д. 1/33)

11.00 – 12.00 Завтрак

12.00 – 14.00 – экскурсия «Чеховская Москва»:

(1) Трубная площадь – (2) Страстной бул., 15 (бывшая Университетская клиника) – (3) ул. Малая Дмитровка, 1 (журнал «Зритель») – (4) ул. Большая Дмитровка, 32 (Докторский клуб) – (5) Камергерский пер, 3 (МХТ им. А.П. Чехова) – (6) Леонтьевский пер., 21 (журнал «Будильник») – (7) Тверской бул., 26 (журнал «Зритель») – (8) ул. Садовая Кудринская, 6 (дом-музей А.П. Чехова)

14.00 – 16.00 – посещение дома-музея А.П. Чехова в Москве (Садовая Кудринская, 6)

15.00 – 16.00 – обед

16.00 – 18.30 – свободное время

19.00 – 22.30 посещение Театра им. Е. Вахтангова («Дядя Ваня», реж. Р. Туминас), адрес: ул. Арбат, 26 (м. Смоленская или м. Арбатская)

22.30 – 00.00 – прогулка по вечерней Москве

21 июня (четверг)

9.16 – выезд в Мелихово (ст. Каланчевская, электричка до ст. Чехов)

11.00 – 17.00 – Мелихово:

- посещение музеев;

- чтение рассказов;

- прогулки;

- зарисовки.

19.00 – посещение театра «Мастерская Петра Фоменко» («Три сестры»), адрес: наб. Тараса Шевченко, д. 29 (м. Кутузовская)

0.44 – отъезд в Санкт-Петербург, поезд №38

Возвращение в Санкт-Петербург в 8.48 22.06.12.

После поездки:

Презентация электронного ресурса «А.П. Чехов и Москва».

бегу! Бегу! Мой роман летит к чёрту, а *она*, важная, умная, презирающая, всюду ходит и пищит про меня:

— Он изменил своим убеждениям!

Третья причина скуки — это моя неистовая, чрезмерная зависть. Когда мне говорят, что такой-то написал очень интересную статью, что пьеса такого-то имела успех, что Х выиграл 200 тысяч и что речь N произвела сильное впечатление, то глаза мои начинают коситься, я становлюсь совершенно косым и говорю:

— Я очень рад за него, но, знаете, ведь он в 74 году судился за кражу!

Душа моя обращается в кусок свинца, я ненавижу того, кто имел успех, всем своим существом и продолжаю:

— Он истязует свою жену и имеет трех любовниц и всегда кормит рецензентов ужинами. Вообще скотина порядочная... Повесть эта недурна, но, наверное, он где-нибудь ее украл. Бездарность вопиющая... Да и, говоря откровенно, я и в этой-то повести не нахожу ничего особенного...

Но зато, положим, если чья-нибудь пьеса провалилась, то я ужасно счастлив и спешу стать на сторону автора.

— Нет, господа, нет! — кричу я. — В пьесе есть *что-то*. Во всяком случае она литературна.

Знайте, что всё злое, подлое, гнусное, что говорят о мало-мальски известных людях, распустил по Москве я. Пусть городской голова знает, что если ему удастся устроить, например, хорошие мостовые, то я возненавижу его и распушу слух, что он грабит проезжих на большой дороге!.. Если мне скажут, что у какой-нибудь газеты уже 50 тысяч подписчиков, то я везде стану говорить, что редактор поступил на содержание. Чужой успех — для меня срам, унижение, заноза в сердце... Какой уж тут может быть разговор об общественном, гражданском или политическом чувстве? Если когда и было во мне это чувство, то давно уже сожрала его зависть.

И так, ничего не знающий, некультурный, очень умный и необыкновенно важный, косой от зависти, с громадной печонкой, желтый, серый, плешивый, брожу я по Москве из дому в дом, задаю тон жизни и всюду вношу что-то желтое, серое, плешивое...

— Ах, какая скука! — говорю я с отчаянием в голосе. — Какая гнетущая скука!

Заразителен я, как инфлуэнца. Жалуюсь я на скуку, важничаю и от зависти клевету на своих ближних и друзей, а глядишь — какой-нибудь подросток-студент уже прислушался, важно проводит рукою по волосам и, бросая от себя книгу, говорит:

— Слова, слова, слова... Боже, какая скука!

Глаза его косятся, он тоже становится косым, как я, и говорит:

— Наши профессора читают теперь лекции в пользу голодающих. Но я боюсь, что половину денег они положат себе в карман.

Чеховские места в Москве

понастроили каких-то ящиков из-под мыла и испортили Москву. Но я не нахожу, что эти ящики плохи. Мне говорят, что наши музеи обставлены нищенски, ненаучны и бесполезны. Но я в музеях не бываю. Жалуются, что в Москве была одна только порядочная картинная галерея, да и ту закрыл Третьяков. Закрыл, ну, и пусть себе...

Но обратимся ко второй причине моей скуки: мне кажется, что я очень умен и необыкновенно важен. Вхожу ли я куда, говорю ли, молчу ли, читаю ли на литературном вечере, жру ли у Тестова — всё это я делаю с превеликим апломбом. Не бывает спора, в который бы я не вмешался. Правда, я говорить не умею, но зато я умею иронически улыбаться, пожать плечами, воскликнуть. Я, ничего не знающий и некультурный азиат, в сущности, всем доволен, но я делаю вид, что я ничем не доволен, и это мне так тонко удается, что временами я даже сам себе верю. Когда на сцене дают что-нибудь смешное, мне очень хочется смеяться, но я тороплюсь придать себе серьезный, сосредоточенный вид; не дай бог, засмеюсь, что скажут мои соседи? Сзади меня кто-то смеется, я сурово оглядываюсь: несчастный поручик, такой же Гамлет, как я, конфузится и, как бы извиняясь за свой нечаянный смех, говорит:

— Как пошло! Какой балаган!

А в антракте я громко говорю в буфете:

— Чёрт знает, что за пьеса! Это возмутительно!

— Да, балаганщина, — отвечает мне кто-то, — но, знаете ли, не без идеи...

— Полноте! Этот мотив давно уже разработан Лопе де Вегой, и, конечно, сравнения быть не может! Но какая скука! Какая гнетущая скука!

На «Имогене» оттого, что я удерживаю зевоту, мои челюсти хотят вывихнуться; глаза лезут на лоб от скуки, во рту сохнет... Но на лице у меня блаженная улыбка.

— Чем-то отрадным повеяло, — говорю я вполголоса. — Давно, давно уже я не испытывал такого высокого наслаждения!

Иногда у меня бывает желание пошалить, сыграть в водевиле; и я охотно бы сыграл, и знаю, что это по нынешним унылым временам было бы очень кстати, но... что скажут в редакции «Артиста»?

Нет, боже меня сохрани!

На картинных выставках я обыкновенно шурюсь, значительно покачиваю головой и говорю громко:

— Кажется, всё есть: и воздуху много, и экспрессия, и колорит... Но главное-то где? Где идея? В чем тут идея?

От журналов я требую честного направления и, главным образом, чтобы статьи были подписаны профессорами или людьми, побывавшими в Сибири. Кто не профессор и кто не был в Сибири, тот не может быть истинным талантом. Я требую, чтобы М. Н. Ермолова играла одних только идеальных девиц, не старше 21 года. Я требую, чтобы классические пьесы

чем-нибудь таком, чего я не знаю, я начинаю просто мошенничать. Я придаю своему лицу несколько грустное, насмешливое выражение, беру собеседника за пуговицу и говорю: «Это, мой друг, старо» или — «Вы противоречите себе, мой милый... На досуге мы как-нибудь порешим этот интересный вопрос и споемся, а теперь скажите мне бога ради: вы были на „Имогене“?» В этом отношении я кое-чему научился у московских критиков. Когда при мне говорят, например, о театре и современной драме, я ничего не понимаю, но когда ко мне обращаются с вопросом, я не затрудняюсь ответом. «Так-то так, господа... Положим, всё это так... Но идея же где? Где идеалы?» или же, вздохнув, восклицаю: «О, бессмертный Мольер, где ты?!» и, печально махнув рукой, выхожу в другую комнату. Есть еще какой-то Лопе де Вега, кажется датский драматург. Так вот я и им иногда ошарашиваю публику. «Скажу вам по секрету, — шепчу я соседу, — эту фразу Кальдерон позаимствовал у Лопе де Вега...» И мне верят... Ступай-ка, проверь!

Оттого, что я ничего не знаю, я совсем некультурен. Правда, я одеваюсь по моде, стригусь у Теодора, и обстановка у меня шикарная, но все-таки я азиат и моветон. У меня письменный стол рублей в четыреста, с инкрустациями, бархатная мебель, картины, ковры, бюсты, тигровая шкура, но, гляди, отдушина в печке заткнута женской кофтой или нет плевальницы, и я вместе со своими гостями плюю на ковер. На лестнице у меня воняет жареным гусем, у лакея сонная рожа, в кухне грязь и смрад, а под кроватью и за шкафами пыль, паутина, старые сапоги, покрытые зеленой плесенью, и бумаги, от которых пахнет кошкой. Всегда у меня какой-нибудь скандал: или печи дымят, или удобства холодные, или форточка не затворяется, и, чтобы с улицы в кабинет не летел снег, я спешу заткнуть форточку подушкой. А то бывает, что я живу в мебелированных комнатах. Лежишь себе в номере на диване и думаешь на тему о скуке, а в соседнем номере, направо, какая-то немка жарит на керосинке котлеты, а налево — девки стучат бутылками пива по столу. Из своего номера изучаю я «жизнь», смотрю на всё с точки зрения мебелированных комнат и пишу уже только о немке, о девках, о грязных салфетках, играю одних только пьяниц и оскотинившихся идеалистов и самым важным вопросом почитаю вопрос о ночлежных домах и умственном пролетариате. И ничего-то я не чувствую и не замечаю. Я очень легко мирюсь и с низкими потолками, и с тараканами, и с сыростью, и с пьяными приятелями, которые ложатся на мою постель прямо с грязными сапогами. Ни мостовые, покрытые желто-бурым киселем, ни сорные углы, ни вонючие ворота, ни безграмотные вывески, ни оборванные нищие — ничто не оскорбляет во мне эстетики. На узких извозничьих санках я весь сжался, как кикимора, ветер пронизывает меня насквозь, извозчик хлещет меня кнутом через голову, паршивая лошаденка плетется еле-еле, но я не замечаю этого. Мне всё нипочем! Говорят мне, что московские архитектора, вместо домов,

«Чехов был из Таганрога, но Москвой крещен...»

«Чехов был из Таганрога, но Москвой крещен, кончил университет Московский, ладом своим, складом сдержанно-великорусским очень к Москве подошел и не зря дал сестрам в пьесе знаменитый клич: «В Москву, в Москву!» — для многих непонятный», — писал русский писатель Б.К. Зайцев.

Московская тема пронизывает все творчество Чехова, но особенно интересна в этом плане повесть «Три года», которую исследователи называют «самой московской». Действительно, ее топография охватывает значительные районы старой столицы.

Чехов приехал в Москву первый раз в 1877 году. Родные его жили в **Даевом (Даевобулгаковском) переулке, дом 29 Морозова и Леонтьева на Сретенке** (дом не сохранился). Во дворе находился старенький деревянный флигель из двух квартир, одну из которых, в три комнаты занимала семья Чеховых. В эту квартиру повидать родных и приехал временно оставшийся в Таганроге Антон Чехов.

В августе 1879 года Чехов окончательно переехал в Москву и поступил в университет (**Моховая улица**), который окончил в 1884 году. В повести «Скучная история» Чехов описывает свои первые впечатления об университете: «А вот мрачные, давно не отремонтированные университетские ворота; скучающий дворник в тулупе, метла, кучи снега... На свежего мальчика, приехавшего из провинции и воображающего, что храм науки — в самом деле храм, такие ворота не могут произвести здорового впечатления. Вообще ветхость университетских построек, мрачность коридоров, копоть стен, недостаток света, унылый вид ступеней, вешалок и скамей в истории русского пессимизма занимают одно из первых мест на ряду причин предрасполагающих...»

Красноказарменная улица, дом 4 — казенное здание первой половины 19 века. Бывшая 4-я военная гимназия (дом сохранился). В 1879-1880 гг. братья Антон и Николай Чеховы часто бывали на квартирах у служивших здесь учителя рисования К.И. Макарова и воспитателя М.М. Дюковского. «Нам было приятно бывать у М.М. Дюковского, — писал М.П. Чехов, — хотя дойти до Лефортова от Грачевки составляло целый подвиг. Но я и Антон

«перли» туда несмотря на жесткий мороз». В рассказе «Припадок» студент Васильев «повторяет» маршрут Чехова: Садовая, Красные ворота, Басманная, Разгуляй, Дворцовый мост, Красные казармы. Чехов часто навещал отца Павла Егоровича в теплых рядах (ул. Ильинка, 3), служившего приказчиком в амбаре купца И. Е.Гаврилова. Многие из увиденного здесь ярко отразилось потом в повести «Три года». В 1882-1883 гг. в факультетских клиниках Московского университета по адресу **Рождественка, 11** (в настоящее время здание Архитектурного института, дом перестроен) студент-медик Чехов проходил практику.

На Страстном бульваре у Петровских ворот, в доме 15/29, во времена Чехова находилась Новоекатерининская больница (ныне городская больница №24), где Антон Павлович, будучи студентом проходил практику.

Семья Чеховых жила поначалу в подвальном этаже на **Трубной площади, дом 36** (не сохранился), где «пахло сыростью и через окна под потолком виднелись одни только пятки прохожих». 20 сентября 1879 года Чеховы перебрались во второй этаж дома **23 по ул. Сретенке**. «С этой квартиры началась литературная деятельность брата», — вспоминал М.П. Чехов. Улица пользовалась плохой репутацией как обиталище уголовников и как район публичных домов. Известный рассказ «Припадок» начинается с описания того, как трое студентов отправляются с Тверского бульвара к Трубной площади. «Приятель с Трубной площади повернул на Грачевку и скоро вошел в переулок, о котором Васильев знал только понаслышке».

С осени 1881 года по октябрь 1885 года Чеховы жили на Сретенке в **Малом Головином переулке, доме 3**, бывшем доме Елецкого (сохранился в перестроенном виде). Около года семья жила в подвальном этаже в 4-х комнатах. Затем, когда Чехов окончил университет, переехали в этом же доме на второй этаж. Здесь А.П. Чехов впервые прибил к двери вывеску: «Доктор А.П. Чехов». В этом доме были написаны «Толстый и тонкий», «Шведская спичка», «Хирургия», «Хамелеон».

Чехов в это время сотрудничал в журнале «Зритель» (**Малая Дмитровка, дом 1**). Основал его в августе 1881 года В.В. Давыдов, владелец небольшой и примитивной цинкографической мастерской. Фактически вели издание братья Антон, Николай и Александр Чеховы. Николай, талантливый художник, почти полностью иллюстрировал весь журнал. Антон Павлович поместил в «Зрителе» 11

В Москве

Я московский Гамлет. Да. Я в Москве хожу по домам, по театрам, ресторанам и редакциям и всюду говорю одно и то же:

— Боже, какая скука! Какая гнетущая скука!

И мне сочувственно отвечают:

— Да, действительно, ужасно скучно.

Это днем и вечером. А ночью, когда я, вернувшись домой, ложусь спать и в потемках спрашиваю себя, отчего же это в самом деле мне так мучительно скучно, в груди моей беспокойно поворачивается какая-то тяжесть, — и я припоминаю, как неделю тому назад в одном доме, когда я стал спрашивать, что мне делать от скуки, какой-то незнакомый господин, очевидно не москвич, вдруг повернулся ко мне и сказал раздраженно:

— Ах, возьмите вы кусок телефонной проволоки и повесьтесь вы на первом попавшемся телеграфном столбе! Больше вам ничего не остается делать!

Да. И всякий раз ночью сдается мне, что я начинаю понимать, отчего мне так скучно. Отчего же? Отчего? Мне кажется, вот отчего...

Начать с того, что я ровно ничего не знаю. Когда-то я учился чему-то, но, черт его знает, забыл ли я всё или знания мои никуда не годятся, но выходит так, что каждую минуту я открываю Америку. Например, когда говорят мне, что Москве нужна канализация или что клюква растет не на дереве, то я с изумлением спрашиваю:

— Неужели?

С самого рождения я живу в Москве, но ей-богу не знаю, откуда пошла Москва, зачем она, к чему, почему, что ей нужно. В думе, на заседаниях, я вместе с другими толкую о городском хозяйстве, но я не знаю, сколько верст в Москве, сколько в ней народу, сколько родится и умирает, сколько мы получаем и тратим, на сколько и с кем торгуем... Какой город богаче: Москва или Лондон? Если Лондон богаче, то почему? А шут его знает! И когда в думе поднимают какой-нибудь вопрос, я вздрагиваю и первый начинаю кричать: «Передать в комиссию! В комиссию!»

Я с купцами бормочу о том, что пора бы Москве завести торговые сношения с Китаем и с Персией, но мы не знаем, где эти Китай и Персия и нужно ли им еще что-нибудь, кроме гнилого и подмоченного сырца. Я от утра до вечера жру в трактире Тестова и сам не знаю, для чего жру. Играю роль в какой-нибудь пьесе и не знаю содержания этой пьесы. Иду слушать «Пиковую даму» и, только когда уже подняли занавес, вспоминаю, что я, кажется, не читал пушкинской повести или забыл ее. Я пишу пьесу и ставлю ее, и только когда она проваливается с треском, я узнаю, что точно такая же пьеса была уже раньше написана Вл. Александровым, а до него Федотовым, а до Федотова — Шпажинским. Я не умею ни говорить, ни спорить, ни поддерживать разговора. Когда в обществе говорят со мной о

помирать? Откуда ни возьмись, по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может чтоб не крикнуть:

— Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!

Срубленную елку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать ее... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спровадили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...

«Приезжай, милый дедушка, — продолжал Ванька, — Христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу. А наемни хозяин колодкой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропащая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка приезжай».

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умокнул перо и написал адрес:

На деревню дедушке.

Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу». Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

Впервые — «Петербургская газета», 1886, № 354, 25 декабря, отдел «Рождественские рассказы». Подпись: А. Чехонте.

произведений, например, как «Темпераменты» и «Салон де Варьете». «Редакция «Зрителя» была более похожа на клуб, чем на редакцию, — вспоминал Михаил Чехов. — Сюда, как к себе домой, сходились каждый день ее члены, хохотали, курили, рассказывали анекдоты, ровно ничего не делали и засиживались до глубокой ночи. Служитель Алексей раз десять подряд обносил всех чаем».

В 1883 году журнал «Зритель» был возобновлен в доме Фальковской по адресу: **Тверской бульвар, дом 26**, где также по четвергам собирались сотрудники. За три месяца писатель поместил в «Зрителе» более 20 рассказов. Среди них — «Радость», «Двое в одном», «Случай из судебной практики», «Умный дворник».

Также он в этот период работал в журнале «Будильник» (1882-1887) в **Леонтьевском переулке, дом 21**. В декабре 1881 года в редакции «Будильника» Чехов знакомится с писателем В.А. Гиляровским.

С лета 1882 по октябрь 1883 г. Чехов работал в журналах «Свет и тени» и «Мирской толк» издателя Н. Л. Пушкарева, находящихся по адресу: **Бригадирский переулок, дом 1** (дом сохранился). Поэт Н.Л. Пушкарев владел трехэтажным уютноподобным домом, где располагались редакция, типография и его квартира. В этих журналах Чехов опубликовал 15 произведений, в частности-рассказы «Живой товар» и «Цветы запоздалые». 15 января 1883 года братья Чеховы с сестрой были в этом доме на балу и гипнотическом сеансе знаменитого магнетизера Роберта. Чехов увиденное использовал в рассказе «На магнетическом сеансе», напечатанном в журнале «Зритель», №7-1883 за подписью «Человек без селезенки».

Старопименовский пер., дом 1. Здесь помещалась редакция журнала «Природа и охота» (редактор Л.П. Сабанеев). В 1883 году в этом журнале был напечатан рассказ А.П. Чехова «Он понял». Газета «Курьер», редакция которой тоже была в этом доме, в издававшемся сборнике «Помощь пострадавшим от неурожая» в 1899 г. напечатала рассказ Чехова «Без заглавия».

В газете «Новости дня», редакция которой размещалась на Тверской, недалеко от Газетного переулка (ул. Огарева), была напечатана «Драма на охоте».

С 1880 года Чехов часто бывал у брата Николая Павловича в гостинице (меблированные комнаты) «Восточные номера» купца Малюшина

(Садовая–Спасская улица, дом 12 дом сохранился). Там Чехов знакомится с И. И. Левитаном и К. А. Коровиным. «В Москве, на углу Дьяковской и Садовой, была гостиница, называемая «Восточные номера», — писал Константин Коровин. — Это были самые захудалые меблированные комнаты. У «парадного» входа, чтобы плотнее закрывалась входная дверь, к ней приспособлены были висевшие на веревке три кирпича (...) В нижнем этаже жил Антон Павлович Чехов, на втором этаже – И.И. Левитан (...) Когда мы вошли в гостиницу, Левитан сказал мне: «Зайдем к Антоше».

Левитан, будучи известным художником, долго жил в стесненных условиях (в середине 1880-х годов — в доме №10 по Пречистенке, с конца 1880-х годов по 1892 год в номерах «Англия» (здание находилось на месте дома №23 по Тверской улице). Лишь в конце своей жизни художник получил прекрасную мастерскую для работы (Б. Трехсвятительский пер., дом 1, строение во дворе). В первом этаже были его жилые комнаты. Левитан жил здесь в 1892-1900 гг.

В июне 1884 года Антон Павлович получил диплом, удостоверяющий звание лекаря. Известный врач и уже достаточно известный литератор, Чехов снимает квартиру в Замоскворечье, на Большой Якиманке. Улица называлась Якиманской по церкви Иоакима и Анны (не сохранилась). С октября 1885 года Чеховы жили в доме Лебедевой №50 (дом не сохранился), который находился за зданием нынешнего французского посольства (дом 43). Квартира была сырой, и там в 1884 году впервые у Чехова открылось кровохарканье.

В декабре 1885 года Чехов снял квартиру в доме 45 (не сохранился) — доктора Клименкова. Это был барский особняк, двухэтажный, украшенный четырьмя колоннами, орнаментом и изображениями крылатых гениев с лирой в руках-хранителей домашнего очага. Впервые у А.П. Чехова появился свой просторный кабинет с камином. И. А. Белоусов в письме к Чехову от 6 января 1902 года вспоминал эту квартиру: «из Вашего окна была видна дворницкая, а на ней какая-то надпись углем, большими буквами и безграмотная. У Вас еще тогда был камин, и Вы любили сидеть у него и класть в огонь бересту».

Живя на Якиманке, Чехов начинает сотрудничать в петербургской газете «Новое время». Якиманка и вообще района Замоскворечья нашли отражение в творчестве Чехова. Например, в повести «Три года», написанной в 1895 году, перед нами предстает жизнь купеческо-приказчьего Замоскворечья. С Якиманкой читатели встречаются в рассказе «Ванька».

дыма, идущими из труб, дерева, посребренные инеем, сугробы. Всё небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом...

Ванька вздохнул, умокнул перо и продолжал писать:

«А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенах, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Ванька покривил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я буду тебе табак тереть, — продолжал он, — богу молиться, а если что, то секи меня, как сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику сапоги чистить, али заместо Федьки в подпаски пойду. Дедушка милый, нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить, всё равно как за мамку Пелагею.

А Москва город большой. Дома всё господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пушают, а раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда у господ будет елка с гостинцами, возьми мне золоченный орех и в зеленый сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи, для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился на окно. Он вспомнил, что за елкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Веселое было время! И дед крикал, и мороз крикал, а глядя на них, и Ванька крикал. Бывало, прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озябшим Ванюшкой... Молодые елки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них

Ванька

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкапа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образ, по обе стороны которого тянулись полки с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьей на коленях.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! — писал он. — И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего от господ бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался».

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка лет 65-ти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьюн, прозванный так за свой черный цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его почтительностью и смирением скрывается самое иезуитское ехидство. Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу. Ему уж не раз отбивали задние ноги, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней. Колотушка его подвязана к поясу. Он всплескивает руками, пожимается от холода и, старчески хихикая, щиплет то горничную, то кухарку.

— Табачку нешто нам понюхать? — говорит он, подставляя бабам свою табакерку.

Бабы нюхают и чихают. Дед приходит в неописанный восторг, заливаясь веселым смехом и кричит:

— Отдирай, примерзло!

Дают понюхать табаку и собакам. Каштанка чихает, крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону. Вьюн же из почтительности не чихает и вертит хвостом. А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками

С конца августа 1886 года до своего отъезда на Сахалин (21 апреля 1890 г.) Чехов жил на квартире на **Садово-Кудринской улице в доме №6**, доме доктора Корнеева, которому Чеховы дали прозвище «комод». Это был небольшой двухэтажный дом, похожий на комод с выдвинутыми ящиками. Над дверью была прикреплена небольшая металлическая дощечка с рельефной надписью: «Доктор А.П. Чехов». Но в эти годы врачебная практика сходит на нет. Здесь Чеховым были написаны рассказы «Скучная история», «Счастье», пьесы «Иванов», «Медведь», «Предложение», «Леший» (позднее переделанная в «Дядю Ваню»), повесть «Степь».

Здесь был подготовлен к печати сборник «В сумерках», получивший академическую премию имени Пушкина. В этом доме Чехова посещали В.А. Гиляровский, Д.В. Григорович, В.Г. Короленко, И.И. Левитан, В.И. Немирович-Данченко, А.Н. Плещеев, П.И. Чайковский, А.И. Южин и другие. В этом доме 14 июля 1954 года был открыт мемориальный музей. В музее хранятся личные вещи писателя, его рукописи, книги. Сохранена прижизненная обстановка кабинета и спальни Чехова.

В двухэтажном доме, некогда красивом барском особняке по улице Большая Дмитровка (во дворе дома 32) в конце 19 века находился клуб «Собрание врачей» для праздного времяпрепровождения. Он описан Чеховым в «Даме с собачкой» как «докторский клуб». По выходе отсюда Гуров размышляет: «Какие дикие нравы, какие лица!... Что за бестолковые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все об одном».

В 1886 году, будучи преуспевающим репортером В.А. Гиляровский становится жителем Столешникова переулка. В квартире на третьем этаже дома 9 он написал «Москва и москвичи». Чехов любил бывать у Гиляровского и отдыхать на диване, который называл «вагончиком».

В доме 9 по Арбату помещались редакция журнала «Сверчок» и квартира издателей М.А. и Е.А. Вернеров. Семь рассказов были напечатаны Чеховым в «Сверчке». Вернеры в 1887 году издали книгу Чехова «Невинные речи», обложку которой нарисовал Н.П. Чехов.

В 1890 году Семья Чехова переехала на **Малую Дмитровку, дом 29** в маленький двухэтажный дом. Дом отмечен памятной мемориальной доской с барельефом.

Вернувшись в начале декабря 1890 года с Сахалина, писатель поселился во флигеле дома №29 в правой части двора, на втором этаже, где прожил до 1892 года. Здесь он работал над рассказами «Попрыгунья», «Дуэль», «Палата №6». В декабре 1890 года Чехов писал Н.А. Лейкину: «Живу я теперь на Малой Дмитровке; улица хорошая, дом особнячок, два этажа. Пока не скучно, но скука уже заглядывает ко мне в окно и грозит пальцем».

Февраль 1892 года является последним рубежом московской оседлости писателя. С этого времени и по 1898 год Чехов не имеет в Москве постоянной квартиры и останавливается в гостинице.

Чехов покупает скромное подмосковное имение Мелихово в 13 километрах от станции Лопасня, Московско-Курско-Донбасской железной дороги и поселяется здесь в начале марта 1892 года. И в мелиховский период своей жизни (1892-1899) Чехов был крепко связан с Москвой.

В это время Чехов тесно сотрудничает с журналом «Русская мысль» (Большая Никитская, дом 26), который возглавляли В.А. Гольцев, В.М. Лавров, М.Н. Ремизов. Здесь были напечатаны «Палата №6» (1893), «Остров Сахалин» (1895), «Человек в футляре» (1898), «Дама с собачкой» (1899), «Три сестры» (1901) и другие произведения.

Театральная деятельность Чехова связана прежде всего с Петровским переулком, дом 3, где в ту пору находился театр Ф. А. Корша. На его сцене впервые была поставлена пьеса «Иванов».

9 сентября 1898 года в «Охотничьем клубе» на Воздвиженке (Доманов переулок, дом 2) на репетиции «Чайки» Чехов знакомится с О. Л. Книппер. В «Охотничьем клубе» каждую неделю давались спектакли Общества искусства и литературы. В этом же помещении проводились и репетиции.

Премьера «Чайки» состоялась в Художественном театре 17 декабря 1898 года в арендованном помещении «Эрмитажа» (Каретный ряд, 3). В этом помещении (он пробыл тут до 1902 года) показал современникам премьеры еще двух пьес А. П. Чехова «Дядя Ваня» (26 ноября 1899 года), «Три сестры» (31 января 1901 года). Специально для Художественного театра были написаны «Три сестры», «Вишневый сад».

1 мая 1899 года силами художественного театра в театре «Парадиз» в честь автора была поставлена «Чайка». Театр находился на Большой Никитской, дом 19.

Адреса ресторанов «Эрмитаж», «Славянский базар» связаны со встречами А.П. Чехова с друзьями. На Петровском бульваре, 12-14 на углу с Неглинной (ныне Театр «Школа современной пьесы», 1864, архитектор М. Чичагов) был знаменитый ресторан «Эрмитаж», принадлежавший

Продавец лезет в ведро и достает оттуда своими грубыми, жесткими пальцами нежную малявку или карасика, величиной с ноготь. Около ведер разложены лески, крючки, жерлицы, и отливают на солнце пунцовым огнем прудовые червяки.

Около возов с птицей и около ведер с рыбой ходит старец-любитель в меховом картузе, железных очках и калошах, похожих на два броненосца. Это, как его называют здесь, «тип». За душой у него ни копейки, но, несмотря на это, он торгуется, волнуется, пристаёт к покупателям с советами. За какой-нибудь час он успевает осмотреть всех зайцев, голубей и рыб, осмотреть до тонкостей, определить всем, каждой из этих тварей породу, возраст и цену. Его, как ребенка, интересуют щеглята, карасики и малявки. Заговорите с ним, например, о дроздах, и чудак расскажет вам такое, чего вы не найдете ни в одной книге. Расскажет вам с восхищением, страстно и вдобавок еще и в невежестве упрекнет. Про щеглят и снегирей он готов говорить без конца, выпучив глаза и сильно размахивая руками. Здесь на Трубе его можно встретить только в холодное время, летом же он где-то за Москвой перепелов на дудочку ловит и рыбку удит.

А вот и другой «тип», — очень высокий, очень худой господин в темных очках, бритый, в фуражке с кокардой, похожий на подьячего старого времени. Это любитель; он имеет немалый чин, служит учителем в гимназии, и это известно завсегдаям Трубы, и они относятся к нему с уважением, встречают его поклонами и даже придумали для него особенный титул: «ваше местоимение». Под Сухаревой он роется в книгах, а на Трубе ищет хороших голубей.

— Пожалуйте! — кричат его голубятники. — Господин учитель, ваше местоимение, обратите ваше внимание на турманов! Ваше местоимение!

— Ваше местоимение! — кричат ему с разных сторон.

— Ваше местоимение! — повторяет где-то на бульваре мальчишка.

А «его местоимение», очевидно, давно уже привыкший к этому своему титулу, серьезный, строгий, берет в обе руки голубя и, подняв его выше головы, начинает рассматривать и при этом хмурится и становится еще более серьезным, как заговорщик.

И Труба, этот небольшой кусочек Москвы, где животных любят так нежно и где их так мучают, живет своей маленькой жизнью, шумит и волнуется, и тем деловым и богомольным людям, которые проходят мимо по бульвару, непонятно, зачем собралась эта толпа людей, эта пестрая смесь шапок, картузов и цилиндров, о чем тут говорят, чем торгуют.

Впервые — «Будильник», 1883, № 43. Подпись: А. Чехонте

— Я где-то читал, — говорит чиновник почтового ведомства, в полинялом пальто, ни к кому не обращаясь и любовно поглядывая на зайца, — я читал, что у какого-то ученого кошка, мышь, кобчик и воробей из одной чашки ели.

— Очень это возможно, господин. Потому кошка битая, и у кобчика, небось, весь хвост повыдерган. Никакой учености тут нет, сударь. У моего кума была кошка, которая, извините, огурцы ела. Недели две полосовал кнутищем, покудова выучил. Заяц, ежели его бить, спички может зажигать. Чему вы удивляетесь? Очень просто! Возьмет в рот спичку и — чирк! Животное то же, что и человек. Человек от битья умней бывает, так и тварь.

В толпе снуют чуйки с петухами и утками под мышкой. Птица всё тощая, голодная. Из клеток высовывают свои некрасивые, облезлые головы цыплята и клюют что-то в грязи. Мальчишки с голубями засматривают вам в лицо и тшятся узнать в вас голубиноного любителя.

— Да-с! Говорить вам нечего! — кричит кто-то сердито. — Вы посмотрите, а потом и говорите! Нешто это голубь? Это орел, а не голубь!

Высокий, тонкий человек с бачками и бритыми усами, по наружности лакей, больной и пьяный, продает белую, как снег, болонку. Старуха-болонка плачет.

— Велела вот продать эту пакость, — говорит лакей, презрительно усмехаясь. — Обанкрутилась на старости лет, есть нечего и теперь вот собак да кошек продает. Плачет, целует их в поганые морды, а сама продает от нужды. Ей-богу, факт! Купите, господа! На кофий деньги надобны.

Но никто не смеется. Мальчишка стоит возле и, прищутив один глаз, смотрит на него серьезно, с состраданием.

Интереснее всего рыбный отдел. Душ десять мужиков сидят в ряд. Перед каждым из них ведро, в ведрах же маленький кромешный ад. Там в зеленоватой, мутной воде копошатся карасики, вьюнки, малявки, улитки, лягушки-жерлянки, тритоны. Большие речные жуки с поломанными ногами шныряют по маленькой поверхности, карабкаясь на карасей и перескакивая через лягушек. Лягушки лезут на жуков, тритоны на лягушек. Живуча тварь! Темно-зеленые лини, как более дорогая рыба, пользуются льготой: их держат в особой баночке, где плавать нельзя, но всё же не так тесно...

— Важная рыба карась! Держанный карась, ваше высокоблагородие, чтоб он издох! Его хоть год держи в ведре, а он всё жив! Неделя уж, как поймал я этих самых рыб. Наловил я их, милостивый государь, в Перерве и оттуда пешком. Караси по две копейки, вьюны по три, а малявки гривенник за десяток, чтоб они издохли! Извольте малявок за пятак. Червячков не прикажете ли?

московскому купцу Якову Пегову и французскому кулинару Люсьену Оливье, изобретателю знаменитого салата. «Эрмитаж» был местом встреч и обедов московской интеллигенции.

«Славянский базар» (Никольская ул., дом 17) по первоначальной задумке — гостиница. Она была построена купцом А.А. Пороховщиковым, учредителем акционерного общества «Теплых торговых рядов». Для этого по проекту архитектора А.Е. Вебера было полностью перестроено здание 18 века. Гостиница открыта в 1872 году, причем при ней были большой концертный зал и ресторан. Для ресторана в 1875 году тем же архитектором Вебером были переделаны находившиеся во дворе торговые помещения. Кроме того что в «Славянском базаре» 21 июля 1898 года состоялась встреча двух «отцов-основателей» МХТ, гостиница и ресторан упоминаются в рассказах Чехова «Дама с собачкой» (здесь Гуров встречался с Анной Сергеевной), «Мужики» (в ней служил Николай Чикильдеев).

Приехав в Москву 24 апреля 1903 года, Чехов поселился на новой квартире в доме Коровина (1899 г., архитектор Г. А. Гельрих) на **Петровке, 19**. Когда шли репетиции «Вишневого сада», писатель жил на Петровке. В этой квартире впервые читали пьесу.

Это было вытянутое вдоль улицы четырехэтажное доходное здание, в нижнем этаже которого размещались магазины, аптека и парикмахерская. Квартиры в нем по тем временам считались прекрасно благоустроенными. В надворном корпусе (справа, за аркой) в 1903-1904 годах снимал квартиру на третьем этаже тяжело больной А. П. Чехов. А. П. Чехов в письме сам с похвалой отзывался о своем жилище: «Квартира великолепна...порядок примерный». Чехов описывал так эту квартиру: «Это против Рахмановского переулка, во дворе, прямо, потом направо, потом налево, потом подъезд направо, третий этаж». Подниматься по лестнице на третий этаж было для писателя, как он выражался, «подвигом великомученика».

Чехов любил Петровку, во многих его письмах из Ялты высказывается мечта «пройтись по Петровке», и квартиру здесь он снял не случайно.

Перестройка здания Художественного театра в Камергерском переулке была произведена в 1902 году по проекту архитектора Ф.О. Шехтеля. Финансировал все строительные и отделочные работы С.Т. Морозов.

Фасад здания почти не подвергся переделке. Новое оформление получили лишь театральные подъезды. Над ними горели фонари-светильники с дуговыми лампами — таких в Москве еще не видели. Правый подъезд был украшен горельефом. Молодой скульптор А. С. Голубкина выполнила для фасада лепное панно, изображающее людей,

борющихся с бушующими волнами. И как бы символизирующее ту борьбу, которую вел театр в области искусства. В рассмотрении архитектурного проекта принял участие и А. П. Чехов. Московский художественный театр ныне носит имя А. П. Чехова. Чайка стала эмблемой Художественного театра.

Дом 24, дом Катък в Леонтьевском переулке (дом сильно перестроен) связан с последними днями пребывания Чехова в Москве. Здесь на четвертом этаже (в доме был лифт) он прожил с 3 мая по 3 июня 1904 года. Здесь Чехова навещали В. А. Гиляровский, И. Д. Сытин.

Из Баденвейлера, где 2 (15) июля 1904 года скончался Чехов, тело писателя 9 июля было доставлено на Николаевский (Ленинградский) вокзал, на Каланчевскую площадь. Платформа Николаевского вокзала была превращена в оранжерею. Все было заставлено цветами и венками. Вдоль всех улиц, по которым двигалась процессия, стоял на тротуаре народ. Балконы, окна квартир — все было буквально облеплено людьми.

Процессия останавливалась у Спасских казарм, на углу Домниковки и Садовой, потом у Тургеневской читальни, между Уланским переулком и Мясницкой. Затем подошли к зданию Московского Художественного театра. Здесь еще с 9 часов утра стояли люди, заполнившие весь Камергерский переулок. У подъезда гроб поставили на катафалк. Здание театра было в трауре, а у дверей возвышался временный помост, затянутый черной материей.

Затем процессия пересекла Большую Никитскую и остановилась у здания «Русской мысли». Гроб взяли на руки писатели. Их сменили на Большой Царицынской улице, напротив клиники, в которой Чехов когда-то лечился. Здесь, у памятника Пирогову, была сделана последняя остановка перед Новодевичьим кладбищем.

На кладбище стояли сотни людей. Удар в большой монастырский колокол возвестил о прибытии процессии с гробом. Товарищи-врачи, учившиеся с Чеховым, внесли гроб в Успенскую церковь монастыря. В 13 часов 30 минут, после отпевания, гроб подняли на руки, чтобы понести его к могиле. Гроб передавали с рук на руки.

На могиле отслужили последнюю панихиду. Многотысячная толпа в полный голос пела с монастырским хором «Вечную память». После погребения был установлен деревянный крест с надписью: «Антон Павлович Чехов».

По материалам: <http://www.onb.kursk.ru/chehov/dok/mesta/moskva/mos.html>

В Москве на Трубной площади

Небольшая площадь близ Рождественского монастыря, которую называют Трубной, или просто Трубой; по воскресеньям на ней бывает торг. Копшатся, как раки в решете, сотни тулупов, бекеш, меховых картузов, цилиндров. Слышно разноголосое пение птиц, напоминающее весну. Если светит солнце и на небе нет облаков, то пение и запах сена чувствуются сильнее, и это воспоминание о весне возбуждает мысль и уносит ее далеко-далеко. По одному краю площадки тянется ряд возов. На возах не сено, не капуста, не бобы, а щеглы, чижи, красавки, жаворонки, черные и серые дрозды, синицы, снегири. Всё это прыгает в плохих, самодельных клетках, поглядывает с завистью на свободных воробьев и щебечет. Щеглы по пятаку, чижи подороже, остальная же птица имеет самую неопределенную ценность.

— Почем жаворонок?

Продавец и сам не знает, какая цена его жаворонку. Он чешет затылок и спрашивает сколько бог на душу положит — или рубль, или три копейки, смотря по покупателю. Есть и дорогие птицы. На запачканной жердочке сидит полинялый старик-дрозд с ошипанным хвостом. Он солиден, важен и неподвижен, как отставной генерал. На свою неволю он давно уже махнул лапкой и на голубое небо давно уже глядит равнодушно. Должно быть, за это свое равнодушие он и почитается рассудительной птицей. Его нельзя продать дешевле как за сорок копеек. Около птиц толкуются, шлепая по грязи, гимназисты, мастеровые, молодые люди в модных пальто, любители в донельзя поношенных шапках, в подсученных, истрепанных, точно мышами изъеденных брюках. Юнцам и мастеровым продают самок за самцов, молодых за старых... Они мало смыслят в птицах. Зато любителя не обманешь. Любитель издали видит и понимает птицу.

— Положительности нет в этой птице, — говорит любитель, засматривая чижу в рот и считая перья в его хвосте. — Он теперь поет, это верно, но что ж из этого? И я в компании запою. Нет, ты, брат, мне без компании, брат, запой; запой в одиночку, ежели можешь... Ты подай мне того вон, что сидит и молчит! Тихоню подай! Этот молчит, стало быть, себе на уме...

Между возами с птицей попадают везы и с другого рода живностью. Тут вы видите зайцев, кроликов, ежей, морских свинок, хорьков. Сидит заяц и с горя солому жует. Морские свинки дрожат от холода, а ежи с любопытством посматривают из-под своих колючек на публику.

Москва в рассказах Чехова

Без Москвы не могу себя представить
(из книги: Балабанович Е. Дом в Кудрине. М., 1961)

Чехов впервые увидел Москву будучи семнадцатилетним юношей. Весной 1877 г. он приехал сюда из Таганрога на школьные каникулы. Древний русский город с его величественным Кремлем, улицами и площадями, наполненными оживленной толпой, произвел на молодого человека ошеломляющее впечатление, и Чехов писал: «Если только кончу гимназию, то прилечу в Москву на крыльях, она мне очень понравилась».

В 1879 г., получив аттестат зрелости, Чехов перебрался в Москву, куда раньше, в 1876 г., переехала его семья. Прошло немного времени, и Антон Павлович сказал слова, оказавшиеся «пророческими»: «Я навсегда москвич». Это убеждение выражено и в одном письме Антона Павловича середины 80-х годов: «Такова уж моя «планида», чтобы остаться навсегда в Москве... Тут мой дом, и моя карьера».

Жизнь и творчество Чехова тесно связаны с Москвой. Здесь протекали студенческие годы Антона Павловича, началась его литературная работа, выросли его писательские, общественные, дружеские связи. Москва была живым источником, в течение четверти века питавшим творчество Чехова. На московской сцене были впервые поставлены почти все произведения драматурга. И даже когда резкое ухудшение здоровья заставило писателя поселиться на юге, он не порывал глубокой внутренней связи с любимым городом...

Тяжелым был путь молодого человека, приехавшего из далекого Таганрога в Москву искать своего места в жизни. Бедность, почти нищета. Необходимость не только зарабатывать себе на жизнь, но и быть опорой большой семьи.

Во время работы над большим циклом фельетонов «Осколки московской жизни», печатавшихся в 1883-1885 гг. в журнале «Осколки», Чехову пришлось сосредоточить свое внимание на теневых сторонах жизни Москвы. Редактор журнала Н.А. Лейкин поставил перед Чеховым задачу в юмористической форме «говорить о всем выдающемся в Москве по части безобразий, вышучивать, бичевать, ни перед чем не умиляться». При этом Лейкин требовал не игнорировать и «мелкие факты», вроде

Дом-музей А. П. Чехова в Москве

купцов-гуляк и буюнов или актеров, не по заслугам захваленных рецензентами. Конечно, такая программа крайне ограничивала тематику московских фельетонов Чехова. С другой стороны, жесточайший цензурный гнет совершенно не давал возможности писать о многом, действительно достойном бичевания... Большая часть фельетонов рисует юмористические картинки быта Москвы того времени: свадьбы, похороны, судебные дела, «происшествия», праздники, увеселения и т. д. Значительное внимание уделяет Чехов театральной жизни, прессе.

В письмах Чехова 1880-х годов также встречаются резко отрицательные оценки провинциального застоя и косности Москвы (не нужно забывать, что Москва уже давно не была столицей). Антон Павлович бранит низкопробные журналчики и газеты-поденки, самым отрицательным образом отзываясь о среде сотрудников этой мелкой прессы, с которой ему приходилось иметь дело почти ежедневно.

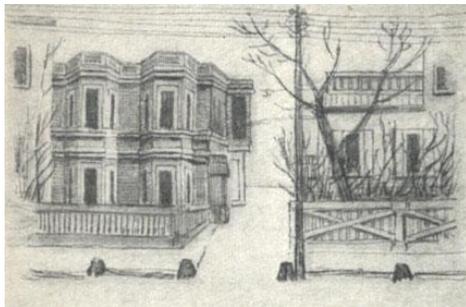
<...> До 1885 г. Чехов и его семья жили в районе Трубной улицы – Сретенки, пользовавшемся тогда сомнительной репутацией. Совсем недалеко был Соболев переулок – место самых грязных притоков, увековеченное впоследствии в рассказе Чехова «Припадок». Рядом находилась Сухаревка – крупнейший московский рынок, приют мелких торговцев и жуликов. Зато на Трубной площади был большой торг птицами и всяческой живностью, так поэтически описанный Чеховым в одноименном рассказе.

В октябре 1885 г. писатель и его семья переехали в провинциально-тихое Замоскворечье, на Большую Якиманку. [А сентября 1886 г. вновь перебираются в центр – на Садовую близ Кудринской площади в дом доктора Я.А. Корнеева.]

Как выглядел в 1880-х годах дом Корнеева?

Современники писателя сравнивали этот особняк с маленьким замком. Чехов нашел не столь поэтическое, но более точное сравнение: он назвал дом «комодом». И в самом деле, фасад дома несколько напоминает старинный комод... Во второй половине 80-х годов стены

«дома-комода», обращенные на улицу, имели гладкую поверхность, а окна были обрамлены белыми рельефными наличниками... В 80-х годах здание между первым и вторым этажами опоясывал белый рельефный декоративный карниз, который хорошо сочетался с невысокой балюстрадой на крыше дома. В начале 90-х годов эти детали

«Дом-комод». Дом Корнеева.
Рисунок А. П. Чехова. 1889 г

Наталье Михайловне Линтваревой (одной из пламенных и верных своих поклонниц) он так описывает свое положение: «Теперь я дома, чувствую себя хорошо и, несмотря на верхушечный процесс..., кашляю только по утрам. К зиме, вероятно, уеду куда-нибудь – в Египет или Сочи, теперь же нет особенной надобности уезжать, так как общее мое состояние недурно, температура нормальная, и в весе я прибавляюсь.

По предписанию уважаемых товарищей веду скучную, трезвую, добродетельную жизнь, и если эта история продлится еще месяц-другой, то я обращусь в гуся». <...>

В 1898 г. Чехов арендовал большую избу и приобрел школьное оборудование. В школу записалось 28 мелиховских ребятишек.

Мария Павловна писала в книге «Из далекого прошлого»: «Мне захотелось своим трудом построить школу в Мелихове. Денег на постройку не было. Я решила достать их всяческими путями. Начала с продажи яблок из нашего сада. Затем разыграла в лотерее пожертвованные для этой цели Левитаном два этюда. Антон Павлович, видя мое рвение, внес для постройки 1000 рублей».

Дело, конечно же, не ограничилось этим тысячерублевым взносом. 2 июня 1899 г. Чехов сообщает двоюродному брату: «Я занят постройкой школы... Если бы не постройка, я удрал бы».

26 июня 1899 г. в письме А.С. Суворину Чехов подводит итог: «Я выстроил три школы, и считаются они образцовыми. Выстроены они из лучшего материала, комнаты 5 аршин вышины, печи голландские, у учителя камин, и квартира у учителя не маленькая, в 3-4 комнаты. Две школы обошлись по 3 тыс., а третья, меньше, – 2 тыс. с немногим. Я пришлю Вам фасады всех трех школ, попрошу и планы со всеми размерами, взятыми, кстати сказать, не произвольно, а на основании инструкции, выработанной губернским земством.

Вы не ошиблись, мы продаем наше Мелихово. После смерти отца там уже не хотят жить, все как потускнело и пожухло; да и мое положение неопределенно, я не знаю, где мне жить, что я, какого я звания человек, и раз нужно, чтобы я зимы проводил в Крыму или за границей, то надобность в имении устраняется сама собой и иметь его и не жить там было бы роскошью не по карману. И в беллетристическом отношении после «Мужиков» Мелихово уже истощилось и потеряло для меня цену».

деле, простор необыкновенный, разнообразие впечатлений: огород «Юг Франции», цветники, лужайки, аллеи, луг, многочисленные дворовые постройки, пруд – все это на трех десятинах усадьбы.

В Мелихове в первые два года большая часть времени была отдана медицине. Михаил Павлович Чехов свидетельствовал: «С первых же дней, как мы поселились в Мелихове, все кругом узнали, что Антон Павлович – врач. Приходили, привозили больных в телегах и далеко увозили самого писателя к больным. С самого раннего утра перед его домом уже стояли бабы и ждали от него врачебной помощи. Он выходил, выстукивал, выслушивал и никого не отпускал без лекарства; его постоянной помощницей, «ассистентом» была Мария Павловна. Расход на лекарства был порядочный, так что пришлось держать на свои средства целую аптеку. Я развешивал порошки, делал эмульсии и варил мази, и не раз, принимая меня за «фершала», больные совали мне в руки пяточки, а один дьячок дал даже двугривенный, и все удивлялись, что я не брал». <...>

«В воспоминаниях Мелихова хранятся оживленные дни и вечера с непрерывными шутками, пением, художественными эскизами и прогулками. А когда такие развлечения исчерпывались – играли в лото...

Благодаря озеру и саду, в лунные ночи и закатные вечера Мелихово было красиво и волновало фантазию. Здесь Чехов писал «Чайку», и много подробностей в ней навеяно обстановкой Мелихова» (Вл.И. Немирович-Данченко).

В январе 1897 г. проходила всероссийская перепись – Чехов оказался среди активных ее участников. Еще в ноябре новоселковские и люторецкие крестьяне явились в Мелихова с челобитной – просили Чехова по примеру Талежа взяться за строительство школы в Новоселках. Он не смог им отказать. Школа строится главным образом его стараниями. Средств не хватает. 22 февраля в Серпухове московские любители играли благотворительный спектакль в пользу Новоселковской школы. Он, конечно же, был с артистами-любителями. Вдохновлял и помогал.

В февралемарте Чехов завершает работу ... над повестью «Мужики». Сам он заметил как-то, что в ней «на каждой странице сквозят мелиховские картины и персонажи». Ему нездоровилось – весь январь он был простужен, температурил, но ни одной из своих обязанностей на отклонил. Обострение туберкулезного процесса на переломе от зимы к весне – неизбежность. <...>

Антону Павловичу врачи запретили работать, но не запретили сидеть с удочкой на берегу пруда (любимое его занятие) и не могли запретить шутить и устраивать розыгрыши.

архитектурного оформления были утрачены, и крыша получила заостренную «готическую» форму, сохранившуюся до наших дней.

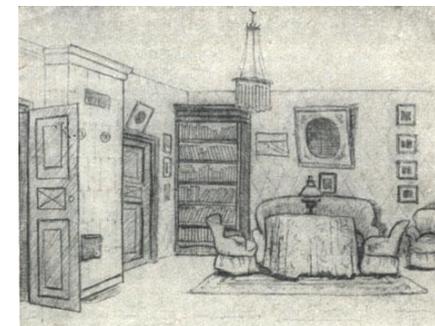
Чехов шутя говорил, что цвет дома «либеральный, то есть красный». Эта необычная окраска здания хорошо оттенялась зеленью – перед домом был палисадник с невысокой деревянной изгородью. Здесь росли кусты и деревце, вершина которого едва достигала крыши дома. <...>

Семья Чеховых занимала оба этажа особняка. Парадный ход вел в небольшую тесноватую прихожую. Здесь против входной двери находилась деревянная лестница на второй этаж. Она делила комнату на две равные, довольно узкие части. У левой стены стояла деревянная вешалка, на которой обычно висело много пальто. Никаких других вещей в прихожей не было. Вместо столика, если нужно, служил глубокий, как во всех старинных домах, подоконник. Стены были окрашены масляной краской, что еще более подчеркивало суровую простоту прихожей.

Зато очень нарядной была лестница. Сестра писателя Мария Павловна, вспоминая, шутила, что лестница выглядела, «как в Благородном собрании» (так называли дворянский клуб в Москве, ныне Колонный зал Дома союзов). На ступеньках лестницы лежала красная ковровая дорожка, укрепленная ярко начищенными медными прутьями. Перила были обтянуты красным Манчестером (род бархата) с бахромой. Материя была прибита медными гвоздиками.

<...> Первое впечатление от кабинета А. П. Чехова – он очень прост и типичен для своего времени. Таким мог быть кабинет небогатого врача или учителя гимназии.

Кабинет – довольно большая комната, с двумя окнами выходящими во двор. В комнате всегда было недостаточно светло, а теперь здесь еще сумрачнее, так как построенный позднее соседний дом заслоняет свет. В кабинете высокая кафельная печь, стены оклеены темно-оливковыми обоями. Обстановка кабинета очень скромная — письменный стол, полки с книгами, мягкая мебель в светлых чехлах, расставленная возле овального, покрытого плюшевой скатертью стола. На столе невысокая керосиновая лампа с круглым абажуром. На полу ковер.

Кабинет А. П. Чехова.
Рисунок М. П. Чехова. 1889 г

Рядом с кабинетом находится маленькая, уютная спальня Антона Павловича. Большое окно-«фонарь» выходит на Садовую-Кудринскую улицу. Стены оклеены светлыми обоями, и комната, особенно в солнечные дни, кажется наполненной светом.

Спальня А. П. Чехова.
Рисунок М. П. Чехова. 1889 г

Рядом с кабинетом и спальней А.П. Чехова находилась комната младшего брата – Михаила Павловича, тогда студента.

Наверху, слева от лестничной площадки, была гостиная – самая шумная комната чеховского дома. Обстановка этой большой комнаты, оклеенной светло-желтыми обоями,

была простой и уютной. При входе направо стояли диван и овальный стол, покрытый бархатной скатертью. На столе — нарядная голубая фарфоровая лампа с зеленым шелковым абажуром, альбом с семейными фотографиями.

У левой стены – пианино, над ним – картина. На окнах – лиловые ламбрекены, легкие тюлевые занавески. В простенке между окон – круглые висячие часы. Возле окон — азалии и фикусы в горшках, кактусы в соломенной жардиньерке. На полу – ковровые дорожки с геометрическим орнаментом. Кроме того, в гостиной стоял аквариум, и одну из стен украшала большая, не вполне законченная картина Николая Павловича Чехова «Бедность», изображавшая швею, уснувшую за работой.

Писатель А. С. Лазарев-Грузинский вспоминал, что рассказывал ему Чехов о происхождении обстановки гостиной: «Указав на аквариум, пианино и мебель, Чехов сказал мне: «Хорошо быть литератором... Это все дала мне литература». Но когда я с некоторым почтением взглянул на вещи, данные литературой, Чехов рассмеялся и пояснил, что пианино взято им напрокат, а часть мебели принадлежит его брату Николаю. Кажется, это была в некотором роде литературная мебель».

В письме к брату Александру Павловичу в 1883 г. Чехов сообщает: «Живем сносно... Есть пианино, мебель хорошая. Помнишь уткинскую мебель? Теперь вся она у нас». Эта «уткинская мебель» попала в квартиру Чехова довольно оригинальным путем. В 1883 г. издательница юмористического журнала «Будильник» потерпела финансовый крах. Так как у нее не было денег, она заплатила гонорар сотрудникам журнала, в том числе и брату писателя художнику Николаю Чехову, мебелью из редакционной квартиры. Николай Павлович, живший в «номерах», отдал мебель своей семье.

знакомые, наше Мелихово стало неузнаваемо по сравнению с тем, что мы получили от прежнего хозяина.

Вся эта созидательная жизнь брату очень нравилась. Сажать, строить, создавать, выращивать – это было стихией Антона Павловича. Он писал старшему брату Александру в первый год жизни в Мелихове: «Коли деды и прадеды жили в деревне, то внукам безнаказанно нельзя жить в городе. В сущности, какое несчастье, что мы с детства не имели своего угла».

Мелихово помогло обрести семейное счастье: оно заключалось в труде на своей земле, домашнем уюте, согласии, взаимоподдержке.

Мелихово очаровало Антона Павловича. Он открывает поэтические стороны весны доселе многим неведомые: «Вчера во весь день сияло солнце; было тепло, утром я пошел в поле, с которого уже сошел снег, и полчаса провел в отличнейшем настроении: изумительно хорошо! Озимь уже зеленая, а в лесу травка» (II, V, 46). Деревенская поэзия – особая статья. Подумаешь, лягушки квакают. Соловьиные трели – известная музыкальная краска весны. Но «лягушачьи концерты» – это от Чехова и полюбившегося ему «милого Мелихова» с обилием прудов, в которых, как известно, в изобилии водятся эти земноводные.

«Вы приезжайте, когда у меня сад будет цвести – это совпадает с лягушачьими и соловьиными концертами» (II, V, 41), – заывает он петербургского издателя и своего друга Алексея Сергеевича Суворина.

Чехов о Мелихове и мелиховцах

«По деревне я прохожу не часто, а бабы встречают меня приветливо и ласково. Каждая наперерыв старается проводить, предостеречь насчет канавы, посетовать на грязь или отогнать собаку».

«Завелись новые знакомства и новые отношения. Прежние наши страхи перед мужиками кажутся теперь нелепостью... Меня уже считают своим...» (II, V, 113).

«Мужиков и лавочников я уже забрал в свои руки, победил. У одного кровь пошла горлом, другой руку деревом ушиб, у третьего девочка заболела... Оказалось, что без меня хоть в петлю полезай! Кланяются мне почтительно, а я с ними ласков – и все идет хорошо» (II, V, 66).

«Мелиховские мужики и бабы ходят с поздравлениями. Здесь очень ласковый народ».

«Мелихово... Тут все в миниатюре: маленькая липовая аллея, пруд величиной с аквариум, маленькие сад и парк, маленькие деревья, но пройдешься раз-другой и впечатление маленького исчезает. Очень просторно, несмотря на близкое соседство деревни» (II, V, 46). В самом

«Отец и мать, единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею». Если я буду высоко стоять, то это дело их рук, славные они люди, и одно безграничное их детолюбие ставит их выше высоких похвал, закрывает собой все их недостатки, которые могут появиться от плохой жизни, готовит им мягкий и кроткий путь, в которые они веруют и надеются так, как немногие» (II, I, 25), – писал Антон Чехов из Таганрога в Москву своему брату Михаилу.

В Мелихове Антон Павлович создал все условия для покойного, счастливого бытия родителей.

Павел Егорович предавался богомыслию – молился за всю семью, наблюдал за порядком в усадьбе, вел дневник.

Ласковая забота о детях, внуках, многочисленных гостях Мелихова, чистота и уют в доме, закуски и наливочки шли от щедрого сердца Евгении Яковлевны.

Деятельное присутствие в доме родителей было знаком семейного благополучия.

О царившей в доме обстановке свидетельствует рассказ писательницы Т.Л. Щепкиной-Куперник: «Отец Антона Павловича, Павел Егорович, высокий благообразный старик, в свое время был крутенок и властен, но в то время, когда я его узнала, он всецело признавал главенство сына и «покорился». Он всей своей крепкой стариковской справедливостью чувствовал, что вот он свои дела вел неудачно, не сумел обеспечить благосостояния своей семье, а Антоша взял все в свои руки и теперь поддерживает их всех и «угол им на старости лет доставил», и старики считали Антона Павловича главой дома...»

Антон Павлович называл сестру Машу хозяйкой Мелихова, и это была суцная правда. Вспоминая молодые годы, Мария Павловна писала в книге «Из далекого прошлого»:

«Я взяла на себя огород, цветники в саду, а также полевое хозяйство, которое вела вместе с Михаилом Павловичем. Он жил не с нами, а по-прежнему в Алексине, где продолжал служить, но очень часто приезжал к нам и помогал проводить полевые работы. Земли у нас было много, и чего только мы на ней не сеяли: и рожь, и пшеницу, и клевер, и овес, и горох, и гречку, а впоследствии даже и лен (у меня до сих пор сохранилось холщовое полотенец, сотканное в Мелихове из своего льна).

У нашего отца, жившего уже на полном покое, тоже было свое занятие: он с утра до вечера возился в саду, приводил в порядок дорожки, прокладывая новые, каждое утро аккуратно посыпал их желтым песочком. В общем, к началу лета, когда к нам стали приезжать в гости друзья и

Рядом с гостиной находилась комната сестры писателя, Марии Павловны. Фактически она была продолжением гостиной, из которой сюда вели две двери. Комната выходила на Садовую-Кудринскую двумя глубокими выступами, в каждом из которых было по большому окну-«фонарю». Оба выступа и кафельная печь делили комнату на две равные части. В одной половине Мария Павловна устроила свой кабинет, в другой — спальню. В кабинетике были небольшой письменный стол и диван, состоявший, по словам Марии Павловны, из двух кресел. В спальне, напротив окон стояла кровать.

Справа от лестничной площадки второго этажа был коридор, из которого дверь вела в столовую. Это небольшая комната с обоями светло-желтого, солнечного цвета. Посредине комнаты — длинный обеденный стол, вокруг него — венские стулья. Над столом висит типичная для того времени керосиновая лампа на блоке, с белым стеклянным абажуром. Слева от входа — кафельная печь и буфет. На стене справа — большая географическая карта европейской части России. На одном простенке возле входа — маленькая картина в деревянной раме, на другом — поднос. На двери темно-вишневая драпировка...

Местоположение дома нравилось Антону Павловичу. «Живу в Кудрине на Садовой — место чистое, тихое и отовсюду близкое, не то что Якиманка», — писал Чехов вскоре после переезда. И в самом деле, совсем недалеко был центр города с магазинами, театрами, концертными залами.

Справа от дома Корнеева располагались кварталы дворянской Москвы с уютными особнячками, зелеными улицами и дворами. Это район между Арбатом, бывшими Поварской, Пречистенкой и Остоженкой. Слева, между Малой Никитской и Тверской, шли переулки, заселенные мелкими служащими, ремесленниками, студентами. От Кудринской площади под гору вела короткая, узкая улица, переходившая в Большую Пресню (тогда она казалась москвичам далекой окраиной).

Чехов в Мелихове

(глава из книги: *Бычков Ю.А. Четыре жизни Чехова. М., 2004*)

Поездка Чехова на Сахалин в 1890 г., по сути, подвела черту под московским периодом жизни. Не устраивало то, что приходилось арендовать жилье: дорого и чужая собственность. Широкая известность – это нескончаемый поток посетителей, мешавших писательской работе. И здоровье уже вызывало тревогу. «Если в этом году не переберусь в провинцию, – писал он в декабре 1891 г. помещику А.И. Смагину, обещавшему содействие в покупке имения на Украине, – и если покупка хутора почему-либо не удастся, то я по отношению к своему здоровью разыграю большого злодея. Мне кажется, что я рассохся, как старый шкаф... Уехать из Москвы мне необходимо» (II, IV, 330, 331).

Покупка хутора на Полтавщине не состоялась, но по объявлению в газете обрели свое счастье в южном Подмосковье – в феврале 1892 г. Чехов юридически оформил приобретение имения «Мелихово». И вот он в Мелихове и вполне доволен переменой места и образа жизни.

«...Нужен хоть кусочек общественной и политической жизни, хоть маленький кусочек, а эта жизнь в четырех стенах без природы, без людей, без отечества, без здоровья и аппетита – это не жизнь», – сетовал Антон Павлович в письме к А.С. Суворину. <...>

«Не было хлопот, так купила баба порося! Купили и мы порося – большое, громоздкое имение, владельцу которого в Германии непременно дали бы титул герцога. 213 десятин на двух участках. Чересполосица. Больше ста десятин лесу, который через 20 лет будет походить на лес, теперь же изображает из себя кустарник. Называют его оглобельным, по моему же, к нему больше подходит розговой...»

Фруктовый сад. Парк. Большие деревья, длинные липовые аллеи. Сарай и амбары недавно построены, имеют довольно приличный вид... Вся усадьба загорожена от мира деревянною оградой на манер палисадника. Двор, сад, парк и гумно также отделены друг от друга оградями. Дом и хорош, и плох. Он просторнее московской квартиры, светел, тепел, крыт железом, стоит на хорошем месте, имеет террасу в сад, итальянские окна и прочее, но...недостаточно высок, недостаточно молод, имеет снаружи весьма глупый и наивный вид, а внутри преизбыточествует клопами и тараканами, которых можно вывести только одним способом – пожаром...» (II, V, 18).

В Мелихове ему хорошо и работа спорится.

«Сижу в кабинете с тремя большими окнами и благодушествоую... С крыш каплет, пахнет весной... В моем кабинете до такой степени светло, что глазам больно...» (II, V, 16).

«Просторная жизнь, не замкнутая в четыре стены, требует и просторного кармана... Приходится сидеть и работать. На все пустяки (хозяйственное обзаведение. – Ю.Б.) надо заработать по крайней мере рублей пятьсот. Половину уже заработал» (II, V, 21). <...>

В гостиной мелиховского усадебного дома звучали романсы и оперные арии Чайковского – их пели Лика Мизинова, близкий Антону Павловичу человек, Варя Эберле – солистка Большого театра, подруга Лики, Игнатий Потапенко – писатель, а в молодости выпускник Петербургской консерватории. Бетховен и Шуберт, Сен-Санс и Шопен, Даргомыжский и Глинка царили в репертуаре друзей дома Чеховых. В моде тогда была «Валахская легенда» Гаэтана Брага. Лика пела, аккомпанируя себе на рояле. <...> «У меня по целым дням играют и поют романсы в гостиной рядом с моим кабинетом, и потому я постоянно пребываю в элегическом настроении...» (II, V, 177). <...>

Отец писателя Павел Егорович – натура художественная. Им еще в таганрогские годы была написана икона Иоанн Богослов – семейная реликвия, сопровождавшая Чеховых при многочисленных переездах с квартиры на квартиру в Москве, особо чтимая в Мелихове, и, наконец, как святая память об отце, обретшая постоянное место в Ялте на Белой Даче.

«Талант у нас со стороны отца», – любил повторять Антон Павлович. И в самом деле, Павел Егорович наделил шестерых своих детей способностями в разных сферах творчества. Многими талантами был одарен старший сын Александр. Художник по образованию и роду занятий Николай Чехов был в отца и со стороны музыкальной. Не имея музыкального образования, Николай великолепно владел фортепьяно. «Венгерская рапсодия» Ф. Листа в его исполнении являлась предметом восхищения даже консерваторской молодежи. Иван Павлович – незаурядный педагог-новатор. Мария Павловна как живописец стала достойной ученицей И.И. Левитана. Младший сын Михаил – первый биограф А.П. Чехова – известен как писатель, художник, музыкант. Чеховская максима: «Краткость – сестра таланта» находит подтверждение в лапидарности стиля мелиховского дневника Павла Егоровича. «Пиона разцвела» – двусловие. Символизирующее разгар мелиховского лета, – только один пример, а каждая строка дневника Павла Егоровича – это способность в немногих словах сказать главное, самое существенное.